

Прошлое и будущее республиканского проекта в России

Олег Хархордин

Республиканские проекты в России

Oleg Kharkhordin

Classical (Civic) Republicanism in Russia

Олег Хархордин (Европейский университет в Санкт-Петербурге, профессор, исследовательский центр «Res Publica», директор; PhD) kharkhor@eu.spb.ru.

Oleg Kharkhordin (PhD; Professor, European University at St. Petersburg, Director, “Res Publica” Research Center) kharkhor@eu.spb.ru.

Ключевые слова: классический республиканизм, гражданский республиканизм, исключительный республиканизм, СССР как федеративная республика, цезаризм, республиканизм как альтернатива империи, республиканизм и либерализм

Key words: classical republicanism, civic republicanism, exclusivist republicanism, USSR as a federal republic, Caesarism, republicanism as an alternative to empire, republicanism and liberalism

УДК: 321.728

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_197

UDC: 321.728

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_197

В статье вкратце описываются история классического (гражданского) республиканизма в дореволюционной и послереволюционной России. Приводится обычная аргументация споров его российских сторонников со сторонниками либеральной идеи. Если классический республиканизм имел шансы в дореволюционной России и может иметь реалистические шансы сейчас, пытаться найти его в СССР — трудно, если не безнадежно. СССР характеризуется в терминах классической политической теории как однопартийная деспотия или как извращение благой формы *res publica* под названием монархия. Также в статье оценивается популярность республиканизма сейчас и перспективы его развития.

The article gives a brief summary of the development of classical (civic) republicanism in Russia before and after the 1917 revolution. An overview of usual arguments that figure in the debates between Russian adherents of classical republicanism and liberalism are given in the end. If classical republicanism had feasible chances to become reality in pre-revolutionary Russia, and might have realistic chances to be implemented today, then trying to find it in the USSR is difficult if not well-nigh impossible. In terms of classical political theory the USSR is described as a one-party despotism or as a corrupt form of *res publica* named monarchy. The paper evaluates republicanism's current popularity and its contemporary prospects.

Прежде чем обсуждать вопрос о республиканских проектах в России, надо вспомнить про различие между классическим (гражданским) республиканизмом и исключаящим республиканизмом. Исключающий — это представление, обычное для нынешнего времени: республика противостоит монархии как форма правления и неоспоримо превосходит монархию в моральном плане. По сравнению с этим классический республиканизм различал три формы *res publica* (вернее, шесть: начиная с Аристотеля и Полибия выделялись три благих формы, в зависимости от того, правит ли один, небольшая группа или все; и указывались три соответствующих им ущербных формы). Монархия рассматривалась там как одна из трех правильных форм — если, конечно, монарх действовал во имя общего блага. От Цицерона вплоть до Руссо это было банальностью для политической теории [Хархордин 2021: 9–10].

Потому с точки зрения этой классической теории Екатерина II могла обоснованно считать себя «республиканкой в душе» и не запрещать (вплоть до книги Радищева и казни Людовика XVI во Франции) пьесы или книги, критиковавшие деспотию или тиранию. Тиранов, то есть единовластных правителей, действующих не в интересах общего блага, а в своих интересах, интересах узкой группы (олигархии) или под действием сиюминутных страстей, надо было свергать, и Екатерина как сторонница идей Монтескье разделяла эту точку зрения. А екатерининские реформы — например, ее попытка последовательно кодифицировать все законы Российской империи (чтобы все жили под одними публично известными законами), дать права дворянству и ввести такую структуру муниципального управления, чтобы города имели «градские общества» и систему гласных (выборных) должностей — могут рассматриваться как пример политики классического республиканизма перед тем, как исключаящий республиканизм встал на повестку дня после Американской и Французской революций.

Декабристы являются переходным моментом в этом отношении — они, с одной стороны, радикализовали требования классического республиканизма, так как требовали введения публичной политики и участия населения в принятии законов (хотя их проекты отличались степенью этого участия), но, с другой стороны, уже читали и таких бывших сторонников классического республиканизма, как мадам де Сталь или Бенжамен Констан, перешедших после правления Наполеона на позиции либерализма. Потому мы можем найти среди их идей и элементы исключаящего республиканизма. Подробнее про них как республиканцев надо читать у Виктора Каплуна, занимавшимся этим вопросом специально [Каплун 2007].

До екатерининско-александринского века был проект «верховников», то есть участников Верховного тайного совета, предложивших Анне Иоанновне в 1730 году «Кондиции», то есть условия занятия престола, ограничивавшие власть монарха. Некоторые из верховников читали специально сделанные для них рукописные переводы таких республиканских авторов, как Макиавелли и Траяно Боккалини. Взошедшая на престол императрица, однако, вскоре эти «Кондиции» порвала. Уже при Екатерине II были проекты ограничения императорской власти, которые предлагали граф Никита Панин (отвергнут императрицей) и, по рассказам декабристов, проект конституции, написанный его братом Петром Паниным, усмирившим восстание Пугачева.

Вообще до XVIII века трудно говорить о «проектах» республиканизма в России, которые имели бы под собой основу в виде сознательного республиканизма. Да, Новгород и Псков в XII—XV веках давали примеры республикан-

ского правления [Лукин 2021] (и именно так их и представила российская и европейская историография в XVIII веке), но сознательной рецепции классической республиканской политической теории мы там не найдем [Ерусалимский 2021]. В Ефремовой кормчей можно было найти древнерусские переводы греческого выражения *demosia pragmata*, которое переводило латинское *res publica*, употреблявшееся в деловом языке Восточной Римской империи, но оно не использовалось читавшими эту кормчую для каких-либо значимых целей, которые мы назвали бы «политическими» сейчас.

Книжник и дипломат XVI века Федор Карпов почти единственный древнерусский автор, упоминавший «Никомахову этику» Аристотеля. Широко известно его послание митрополиту Даниилу, главе русской церкви в то время, о том, должны ли существующие грады опираться на терпение народа (позиция Даниила) или основываться на правде, то есть справедливых законах (позиция Карпова). Карпов также пользовался трехзвенной классификацией форм *res publica*. Но это исключение, которое подтверждает правило: классической республиканской мысли на Руси не знали. По крайней мере, мы знаем очень мало древнерусских текстов, которые демонстрируют такое знание.

Уже после того, как он уехал в Литву и изучал латинский, князь Андрей Курбский в третьем послании к Грозному переводит два фрагмента из «Парадоксов стоиков» Цицерона для обличения царя и передает латинское выражение *res publica* как «общая вещь». В «Истории великого князя Московского» он говорит о мучениках, несправедливо «новоизбиенных от внутреннего змия», то есть опричниками Грозного, так как до этого они своими ратными трудами служили «цареве своему и общей вещи христианской верне» [Курбский 2015: 216]. Конечно, задним числом можно рассмотреть всю деятельность Курбского как классический республиканский проект. С некоторой натяжкой можно утверждать, что он хотел ввести или удержать то, что классическая политическая теория называла «смешанным правлением», то есть смесь трех благих форм *res publica* — монархии, аристократии (синклитов или Избранной рады) и демократии (Земских соборов), в то время как Грозный решил убрать один элемент (власть аристократии) из этой конструкции [Хархордин 2022: 167, 177—178]. Подобную двухзвенную структуру власти можно проследить и на примерах из жизни Московской Руси XVII века [Kollmann 2021: 494—496]. Однако популярность критики Курбским проекта Грозного подтверждается громадным количеством рукописных списков сборника Курбского, которые циркулировали среди русских дворян вплоть до времени Пушкина; сам Пушкин прочел про «проект Курбского» в такой копии (да и для Екатерины II сделали отдельную копию). Так что, похоже, «проект Курбского» подготовил рецепцию классического республиканизма, когда тот пришел в Россию во многих текстах на европейских языках и в переводах с них.

Последние примеры классического республиканизма в дореволюционной России — это создание системы земств во время Великих реформ в 1864 году. До тех пор, пока земства не стали встроены в вертикаль государственной власти империи после ограничения их прав Александром III в 1890 году, эти органы местного самоуправления пытались привлекать местное население к управлению. Конечно, крестьяне имели самое слабое представительство в этих органах местной власти, и земские учреждения имели очень слабую финансовую базу. Но в целом из-за этого опыта самоуправления земство могло стать «начальной школой свободы». Этим термином Алексис де Токвиль обозначил

New England township, то есть городскую общину Новой Англии, когда писал о ней как об основе системы политической свободы в Америке. Проекты дальнейших земских реформ вроде предложений председателя московской губернской земской управы Д.Н. Шипова, которые совмещали в себе монархию с опорой на широкую сеть земских институтов и с созывом общенационального Земского собрания [Соловьев 2021: 579—581], могли тоже уложиться в рамки классического республиканизма как создающие еще один тип «смешанного правления». Однако исключая республиканизм стал главной идеологией среди типов республиканской мысли после середины XIX века. Ну а после Февральской революции 1917 года идея морального превосходства (представительной) республики над монархией стала господствовать почти среди всех образованных людей, кроме самых убежденных монархистов.

Исключая республиканизм стал правилом жизни в России после 1917 года, если мы смотрим только на формальные черты политической системы. Каков бы ни был культ личности, который приписывали Керенскому, Ленину, Сталину и разным послесталинским вождям, эти вожди не могли легитимно передать правление по наследству без формального или реального следования процедурам изъявления воли народа.

А с помощью категорий классического республиканизма советскую систему власти вообще трудно охарактеризовать. Многие пишут, что сложившаяся в СССР система власти была при Ленине централизованной диктатурой партийного аппарата, а при Сталине это дополнилось еще и неограниченным культом личности Вождя. Лион Фейхтвангер описал СССР в 1937 году, проведя параллели с эпохой падения Римской республики: если Ленин — Цезарь Советской республики, то Сталин — ее Август. Такая оценка была лестна для советского режима, так как определяла СССР как цезаризм. Данное понятие сложилось в западноевропейской науке в конце XIX века после появления режимов Наполеона III во Франции и Бисмарка в Германии, опиравшихся на популярность лидера и участие широких масс населения в нефальсифицируемых выборах. Цезаризм — это такая система «смешанного правления», где из смеси трех благих форм *res publica* убирают одну, аристократическую, оставляя в смеси лишь монархию и демократию. Другими словами, цезаризм — это монархия, опирающаяся на демократию. «Советская демократия», однако, была далека от народовластия, начиная уже с бюрократизации советов и отмены разных форм рабочего контроля над производством в 1918 году. При написании Конституции РСФСР 1918 года предлагались проекты анархо-синдикалистского (федерация — это ассоциация профсоюзов или территориальных коммун) и парламентского (советская республика будет устроена как репрезентативная демократия) толка, но большевики продавили централизованный вариант, где советы разного территориального уровня находились в жесткой иерархии, а секрет работы системы — контролирующая и направляющая роль РКП(б) — вообще не упоминался. Потому теоретики, использующие категории классической политической теории, характеризуют СССР как «однопартийную деспотию» с Вождем во главе [Медушевский 2021: 728]. В XVIII веке многие сказали бы, что это было извращение благой формы *res publica* под названием монархия. Получается, что от цезаризма РСФСР перешла к деспотии. И термин этот не случаен: именно «деспотическое» переустройство отношений собственности на переходном к коммунизму периоде было записано как программное требование в конце II части «Манифеста Коммунистической партии».

Те же, кто, как Ханна Арендт, считали, что Советский Союз не попадал в классификацию шести известных с Античности форм *res publica*, так как был совсем новым, не известным до того типом власти, описывали его как тоталитаризм, когда атомизированное на отчужденных друг от друга индивидов общество приводится в действие через новые средства — идеологию и террор.

Советское государство как республика

Советское государство обозначало себя как федеративная советская республика. И с точки зрения исключаящего республиканизма Сталин и его правоведы были правы: СССР не был монархией, а значит, был республикой. Однако политической свободы, если рассматривать СССР с точки зрения классического (гражданского) республиканизма, не было. Посмотрим на четыре основных признака гражданского республиканизма, которые включают в себя: 1) особое понимание свободы (*libertas*); 2) гражданские доблести или добродетели (*virtus*); 3) участие в заботе об общем благе (*commune bonum*); и 4) признание дел на благо всех, почести за них (*honos/honestas*) [Хархордин 2021: 41–46].

Классический республиканизм характеризуется особой концепцией свободы — не быть в воле другого, под произволом. Это свобода, понимаемая как статус, как считает Филип Петтит и его сторонники, или вид негативной свободы, как иногда пытался раньше утверждать Квентин Скиннер (в последних выступлениях он поддерживает позицию Петтита). В СССР же господствовала позитивная концепция свободы, противостояние которой с негативной так красноречиво описал Исайя Берлин. Еще у Аристотеля можно найти тезис, что свобода состоит в реализации человеческой природы, а после Руссо и Гегеля стало ясно, что позитивная свобода — это способность реализовать разумную природу человека, подчинив страсти разуму, и тем самым индивиду — стать самим собой, а сообществу — самоопределиваться. Позитивная свобода — это свобода самореализации. Марксистская революция в России провозгласила своей целью всестороннее развитие личности в результате освобождения человека от капиталистического гнета. Правда, ради достижения этого надо было на время согласиться с волей партии, которая знала рациональные законы движения истории и указывала, куда идти. Для самореализации человека предлагалось находиться в воле партии, что на практике означало подчиниться линии партии, провозглашаемой ЦК или вождем. А в случаях, когда они не успевали ее сформулировать — подчиняться воле твоего непосредственного мелкого начальника.

Деспотия мелких начальников, временами ограничиваемая окриком из центра — вот суть повседневной советской власти. Классическое понимание республиканской свободы — не быть в воле другого — здесь есть только на словах (как член класса ты якобы участвуешь в формулировании общей воли, и потому подчиняешься себе, когда подчиняешься ей). Но если ты не участвуешь в формировании линии партии — либо потому что ты пассивен (пассивна), либо потому что структура власти обрекает тебя на это — ты находишься под произволом, что противоречит республиканизму.

Вторая характеристика классического республиканизма — это надежда на гражданские доблести (добродетели) граждан и обеспокоенность тем, что *res publica* рухнет, если происходит коррупция нравов. Постоянная обеспокоен-

ность моральным разложением сознательных коммунистов — например, их обуржуазиванием — была настолько похожа на заботу о морали в классическом республиканизме или среди русской аристократии XVIII века, воспитанной на Фенелоне и Руссо, что некоторые коллеги даже предложили считать тексты типа наиболее популярных книг Бухарина примером советской версии республиканизма [Бугров 2018]. Проблема с этим тезисом заключается в том, что надо различать доблести, рекомендуемые для верхушки партии, то есть «сознательных коммунистов», и то, как восприняло эту пропаганду подавляющее большинство населения РСФСР — то есть крестьяне, которые вместе с освоением грамотности осваивали и новый моральный дискурс. Если большевики старой закалки ориентировались, в отличие от Маркса или русских аристократов, не на гражданские доблести античной истории, а на гражданские доблести, явленные во время Французской революции и прежде всего при диктатуре добродетели при Робеспьере, то крестьяне, переезжающие в города и становящиеся рабочими, должны были что-то сделать со своими моральными интуициями крестьянского мира, часто достававшимся им в христианской интерпретации. Когда большевики убрали три теологические добродетели (веру, надежду, любовь) как главные для спасения в загробном мире и стали говорить о качествах, нужных для построения коммунизма здесь и сейчас, то эти коммунистические проповеди пытались насадить новые большевистские доблести на базис из четырех кардинальных добродетелей, известных с аграрных обществ Античности (мужество, справедливость, сдержанность и практическая мудрость). Насколько успешна была эта пропаганда — отдельный вопрос. Как давно показала Катерина Кларк, тексты и фильмы соцреализма использовали техники конструирования жития святых (агиографию) для пропаганды новых доблестей, список которых был собран в 1961 году в «Моральном кодексе строителя коммунизма». На повседневном уровне он объяснялся и насаждался с помощью примеров из «Как закалялась сталь», «Повести о настоящем человеке» и «Тимура и его команды». Но античный базис доблестей воина аграрного общества, вышедшего за забор своего домохозяйства для собрания общины или дружинного начинания, был моральной основой, на которой все новое должно было надстроиться и закрепиться — как раньше христианские добродетели в долгие века христианизации крестьянского мира пытались надстроить над античными или, лучше сказать, архаично-аграрными¹.

Советскую цивилизацию в моральном плане можно назвать принудительным аристотелизмом. Во-первых, в отличие от либеральных демократий, страна имела телос — высшую цель, к которой двигалось общество. Моральным стало признаваться все, что ведет к коммунизму. Во-вторых, общество характеризовалась тем, что у Аристотеля названо *homonoia*, у его латинских последователей — *concordia*, а в большевистской версии требовалось как единоедушие или единогласная поддержка. В-третьих, учитывая, что в начале VIII книги «Никомаховой этики» говорится, что политическая дружба или приязнь между гражданами важнее справедливости (так как когда такая дружба есть, то не нужна справедливость, а при наличии справедливости все равно нужна дружба или приязнь между участниками общего дела), то това-

1 Детали аргументации этого и следующего параграфов см.: [Хархордин 2011] (глава 6 «Добродетель»).

рищи по общему делу должны были заботиться и о добродетели друг друга. В советской версии это выражалось в периодических чистках, когда товарищами на собраниях проверялись моральные качества каждого из них как сознательного строителя коммунизма. В результате в позднем советском обществе распространенная легитимация несовершенства СССР была схвачена словами песни из телесериала «Следствие ведут знатоки»: «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...» А ведь если бы все были добродетельны, ставили бы общее выше личного, то все работало бы в советской системе как надо — и к этому надо стремиться. Таково было повседневное по-нукание со стороны власти. Иными словами, советская мораль была типом этики добродетели (в отличие от кантовской этики принципов, если следовать известному противопоставлению этих двух типов систем у Макинтайра). Но иметь этику доблести не значит иметь этику гражданской или политической доблести, что предполагал классический республиканизм.

Третьим элементом классического республиканизма является значимое участие в общем деле. Однако участие в реально важных делах — например, в обсуждении и принятии и законов или в выработке линии партии по определенному вопросу — было уделом совсем немногих. Выборы были делом аккламации — то есть выражения одобрения назначенным властью кандидатам, уклоняться от которого было опасно. Наконец, участие в других действиях по снисканию общего блага было, как гласил известный эпитет, «добровольно-принудительным». Билеты членства в обществах типа ДОСААФ или облигации госзайма навязывали, забирая часть зарплаты или стипендии на оплату взносов в это якобы общее дело. Несвобода от линии партии и произвола мелких начальников изображалась как позитивная свобода — потому что страна помогает всем жить полнее и лучше, идя к коммунизму.

К тому же кроме работы на предприятии или в конторе каждого ждала «общественная работа», которой требовалось заниматься в свободное от основной работы время, якобы на благо всех. Де-факто это было рабство — порабощение человека даже после окончания рабочего дня. Чтобы развить мотивацию к такому участию, взяли методы «социалистического соревнования» (между трудовыми коллективами или индивидами по выполнению плановых заданий) и применили их и к общественной работе. В ней тоже можно было соревноваться с другими за лучшие результаты — например, по участию в принудительно собранных добровольно-народных дружинах, принуждающих прохожих культурно вести себя на улице и не нарушать правила социалистического общежития. Вместо совместного ревнования вещей возвышенных (что предполагало христианское соревнование), вместо соучастия и агональной борьбы за то, чтобы превзойти других в значимом деле на благо сообщества, общественная работа означала принудительную причастность, навязанное причащение к делам построения светлого будущего. Участь не быть частью такого общего была завиднее причастности, к которой тебя принуждали.

Последний, четвертый элемент классического республиканизма — это признание в *res publica* особо успешных деяний на общее благо, зафиксированных летописцами в историях значимой жизни. На первый взгляд кажется, что в СССР было и это — серия книг «Жизнь замечательных людей», доски почета при входе на каждое предприятие и знаки почета, включая героев СССР и героев соцтруда, которые для всех подчеркивали значимость определенного

поступка или их серии. Но хрупкость деяния (категория Ханны Арендт, с помощью которой она описывала специфику полисного деяния у греков) была устранена. Грек — зачинщик чего-либо в полисе — не мог надеяться на принуждение себе равных сограждан, и потому 1) мог не быть поддержан в своем начинании (тогда оно рушилось); 2) его деяние могло быть изображено теми, кто его потом описывал, как принесшее совсем другой результат (чем он рассчитывал); или 3) случившееся могли описать вообще как не его деяние. Советская машина фиксации героев и раздачи почета устраняла эту хрупкость. Главный форум по оценке чести того или иного человека и раздаче почестей — это партия, которая есть «ум, честь и совесть нашей эпохи», как гласил известный лозунг. Она оценивала честные дела, раздавала за них почести; правда, могла и обойти вниманием заслуживающего почестей или обесчестить кого угодно. В результате этого зачинщик действия мог надеяться на его нехрупкость, то есть мог контролировать его результаты, особенно если был партийным лидером с контролем над своим партбюро и связями наверху. Начальник не просто зачинщик начинания; он гарантирует успех любого почина. Форум выдачи почестей известен и контролируется; несогласных к исполнению партийной инициативы принудим, если что; плутархов для жизнеописания производимого нами героического поступка согласуем или назначим; ну и в конце концов выдадим официальный знак почета. Арендт бы сказала: вместо деяния, неожиданно открывшего нам человека, чье имя достойного занесения в историю полиса, в СССР устроили созидание героев через плановое производство дел воинской и трудовой чести, отмечаемых официальными историями жизни и почестями.

Успехи республиканских проектов в России

Проект введения исключаящего республиканизма как основной идеологии XX века в России можно считать особенно успешным. Учитывая, какое количество населения было неграмотно на 1917 год и потому могло соглашаться, что традиционная монархия лучше, чем республиканская форма правления, к середине XX века, за редчайшими исключениями — прежде всего в белой эмиграции — ни у кого не было сомнения, что республиканский строй лучше монархии, хотя и реализован, возможно, не лучшим образом на территории СССР.

Проекты же государственного переустройства, предлагавшиеся по лекалам классического республиканизма, кажутся теперь — в эпоху массовой политики автократий и либеральных демократий, опирающиеся на механизмы голосования как основного способа участия масс в управлении, — либо делом далекого прошлого, либо неудачными. Посмотрим на екатерининско-александринский проект конца XVIII — начала XIX века. Конституционная монархия, за которую выступали многие русские аристократы той эпохи, казалась им — следуя теоретикам типа Монтескье — примером политической свободы классического образца, если посмотреть на Англию его времени. Король, палата лордов и палата общин, как казалось, обеспечивали идеал «смешанного правления» в том, что соединяли элементы монархии, аристократии и демократии в одну сбалансированную систему или смесь. Но такую систему не удалось построить в XIX веке, да и в 1905 году, после первой русской революции.

Однако то, что можно назвать «хитростью Пушкина», помогло внедрить элементы классических республиканских идеалов в систему всеобщего образования Советской России, особенно после празднования столетия со дня его смерти и во время подготовки к большой войне в конце 1930-х годов. До этого в течение 1920-х годов действующими лицами официальной истории (например, в изложении историка Покровского) были абстрактные народные массы, а изображение отдельных героических личностей не приветствовалось. Создание канона национальных героев в преддверии войны, наоборот, требовало героических историй. Переход к преподаванию авторов золотого века русской литературы в средней школе в СССР вел к тому, что опора на античные идеалы, которыми было пропитано воспитание поколения Пушкина и декабристов, стала предлагаться и советской молодежи. Хотели воспитать национальное и героическое сознание перед надвигающейся войной, но одновременно с этим стали предлагать модели античного поведения как значимый образец для подрастающего поколения. Миллионы советских юношей и девушек заучивали «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», чаще всего не зная, что это переложение Горация. Пушкин, как и Гораций, — поэт доблестей разгромленного республиканского века, вынужденного жить при императорах, но воспроизводящий хотя бы в стихах ориентиры поведения ушедшего века. Про влияние Пушкина и других авторов золотого века на укоренение размышлений и свободе и гражданской доблести можно вкратце сказать следующее.

Наверное, не николаевские репрессии против декабристов и устрашение других членов элиты, а разложение аристократической доблести под влиянием соблазнов коммерческого века и появление неистовой общественности с квазихристианскими и почти сектантскими механизмами веры привели к тому, что дискурс добродетели угас среди образованных людей во второй половине XIX века. Ирония истории, однако, заключается в том, что однопартийная деспотия XX века посредством всеобщего образования и навязывания униформного канона заставила всех учащихся заново читать и заучивать авторов пушкинской эпохи с ее античными идеалами, и тем самым навязывала читателям представления о том, что значит прожить значимую жизнь, рядом с образцами, которые можно было почерпнуть из основанного на методах агиографии соцреализма. В сферах неформальной жизни позднего советского общества эти ресурсы могли быть задействованы многими в культивации квазиреспубликанских практик работы над собой, то есть в создании альтернативных средств моральной оценки и самосовершенствования. Но это была стратегия без стратега, говоря терминами Мишеля Фуко: никто не проповедовал эти альтернативные методы жизни как доктрину. Нынешняя популярность работ Ханны Арендт, ставших доступными российскому читателю только в постсоветское время, во многом объясняется тем, как эти работы смогли артикулировать многие моральные интуиции, доставшиеся и сегодняшней молодежи из изучения обязательной программы по русской литературе. Пушкин, понятый через Арендт, выигрывает сражение с абсолютизмом через двести лет после своей смерти. Тем более что книги Арендт подсказали, чем затхлые принудительные формы жизни в советской цивилизации отличаются от схожих, но наполненных свободной энергией граждан.

Будущее республиканских проектов

Исторически национальные государства выиграла военное соревнование у классических республик типа Венеции (она пала в 1797 году перед наполеоновскими войсками) или Рагузы (Дубровника, сдалась в 1806 году французским войскам, чтобы не пустить отряды российской и черногорской армий), а независимость швейцарских кантонов (классических республик) восстановил Александр I в результате Венского конгресса 1814 года, и в дальнейшем она гарантировалась военной мощью Священного союза. Потому обычным утверждением сейчас является, что нынешние проекты, скроенные по лекалам классического республиканизма, работают либо на донациональном, либо на наднациональном уровне. На донациональном уровне в РФ мы видим различные формы реального, а не формального гражданского участия, среди которых в России наиболее популярны разного рода проекты инициативного или партиципаторного бюджетирования (ПБ), а также партиципаторного планирования и проектирования (жизни микрорайона, городских памятных мест, планирование жизни школы с участием ее учеников и т.п.). Если губернаторы поощряют создание ТОСов (то есть органов территориального самоуправления на уровне двора или микрорайона в рамках существующего муниципального органа), подбрасывая им средства для осуществления их проектов, жизнь идет и здесь. Комментаторы, которые поддерживают такие инициативы, считают их «детскими садами свободы», так как они действуют на уровне либо ниже муниципальной власти, как ТОСы, либо зависят от желания муниципальных властей создавать реальное, а не формальное участие населения в таких формах жизни, как ПБ. Это хуже, чем токвилевская «начальная школа свободы», но хоть что-то. Критики этих начинаний пишут об этих местных инициативах как о «кости, брошенной обществу», «клапане для выпуска пара», когда, по их мнению, отдельным людям (даже если набранным по классической республиканской процедуре — жребием) вместо реального участия населения в деле управления муниципалитетом дают право поучаствовать в дележке, например, всего 1—2% городского бюджета. С точки зрения этих критиков, популярность в некоторых странах БРИКС (таких как Индия и Китай) подобных систем привлечения населения к якобы участию во власти свидетельствует об использовании авторитарными политическими режимами таких форм действия для пачификации населения и снижения уровня социального напряжения.

Самоорганизация населения на донациональном уровне не обязательно должна следовать либеральным образцам. Так, ряд зарубежных коллег, исследовавших феномен «консервативного гражданского общества» в РФ, указывали на сложившиеся в 1990-е годы в противостоянии с либеральной центральной властью земские движения — например, в таких районах, как Белгородская и Орловская области. Деятели этих земских движений позже, в 2000-х годах, вошли в партию «Единая Россия», и казалось, что подобные инициативы ушли в прошлое. Однако создание властью и развитие на местах после 2022 года массовых волонтерских движений для помощи армии (своим воюющим землякам и т.п.), движения военкоров (особенно тех, кто ведет блоги и ТГ-каналы не общестранового, а областного уровня) может привести к расширению участия населения во власти, особенно тогда, когда конкретные меры конкретных чиновников местного или федерального уровня начинают оспариваться

консервативными активистами как неадекватные. История «либеральной империи» Наполеона III (1852—1870) демонстрирует схожий пример: жестко централизованная империя подавляла инакомыслие в печати и опиралась на систему назначаемых префектами мэров. Более того, система официальных кандидатов в законодательное собрание, которых поддерживало правительство, приводила к тому, что все власти на уровне департамента, города, полицейского управления и даже школьные учителя старались обеспечить то, что за депутатов от партии власти проголосуют. Однако опора на плебисциты (по поводу уже принятых правительством решений) и на поддержку сельского населения, консерватизм и традиционный патриотизм которого побудили Наполеона III дать ему широкие избирательные права, привели к тому, что советы депутатов региональных собраний, а потом и национальный законодательный орган стали наполняться знатными людьми с мест, которые вышли из местных округов и потому имели опыт противостояния не только с назначенными мэрами на местах, но и с другими эшелонами централизаторской власти. Результатом стало то, что политический строй Третьей республики был так легко принят во Франции (после поражения в войне с Пруссией и подавления восстания Парижской коммуны в 1871 году) — его более децентрализованная структура была во многом подготовлена политической борьбой последних лет империи [Hazareesingh 2004]².

На наднациональном уровне задача кооперации России с другими странами в решении проблем глобального уровня, например совместное достижение 17 целей устойчивого развития, провозглашенных ООН в 2015 году, — как кажется многим — ушла после начала СВО на второй план. Тем не менее такие проблемы, как голод среди населения развивающихся стран или отсутствие доступа к адекватным запасам питьевой воды, никто не отменял. Ясно, что дебаты по реформе ООН на основании новой модели могут и не использовать теорию классического республиканизма. Но отсутствие единого мирового полицейского дела делает невозможным наличие мирового правительства и требует какого-то институционального регулирования поведения формально равноправных игроков (национальных государств) — чтобы не скатиться к захватам соседей по праву сильного или к игнорированию интересов, общих для населения планеты Земля. Климатический кризис, который привел к таким попыткам введения механизмов регулирования, как неэффективно работавший Киотский протокол, требует ответов в виде институциональных инноваций на уровне международных организаций. Региональные системы по ограничению выбросов парниковых газов — такие, как, например, меры ЕС — имеют всеобъемлющий эффект. Пока что удивительным достижением всех стран ООН является реализация Монреальского протокола 1987 года по веществам, разрушающим озоновый слой (хлорфторуглеродам). Он более-менее успешно функционирует на базе самоограничений и создания общего фонда средств. Но для координации организационных решений по климатической проблематике без создания единого централизованного органа может оказаться полезным именно классический республиканизм.

Классические республиканские рецепты могут потребоваться на наднациональном уровне не только для регулирования кооперации национальных го-

---

2 В отличие от нынешней РФ, правда, во Второй империи не контролировали результаты выборов в муниципальные и местные сельские собрания.

сударств для решения совместных проблем уровня общей для нас планеты или общего приземного космоса. Они могут потребоваться, как пишут теоретики республиканизма, и для учета голосов не только государств и не только людей в дебатах о принятии решений по поводу климатического кризиса. Первоначально после критики со стороны активистов, в радикальном виде представленной фигурой Греты Тунберг, встал вопрос об учете голосов будущих поколений. Как мы, живущие сейчас, можем в своих дискуссиях и решениях учесть мнение тех, кто не имеет голоса сейчас? Мы же исходим из своей нынешней, ограниченной взглядами и заботами нашего времени, точки зрения, и мы не можем рационально поговорить с теми, кто родится после нас.

Вопрос встал не только по поводу поколения наших детей да и еще, возможно, не родившихся внуков. Потом вопрос о представительстве тех, кто не имеет голоса и не может сам выступить в парламенте или в дискуссии о том, что делать с климатическим кризисом, был применен активистами таких движений, как «Deep ecology», и к природным процессам. Они тоже не имеют голоса. И если вопрос стоит не только о контракте между людьми по поводу Земли, а о контракте между людьми и природой (частью цепочек обратной связи которой мы являемся как человечество, влияющее на природные процессы, но неразрывно в них вписанное), которая все больше и больше ударяет по нам в ответ на наши действия по ее покорению и освоению, то надо дать голос и этим природным процессам! Аналогом этого требования признать голос и участие за природными процессами является ситуация, когда в Греции и Риме за рабами тоже не признавали права голоса, так как считали их неспособными к политической речи. Потом его не признавали за бедными (рабочим классом) и женщинами, которым полное право участвовать в голосовании дали только в XX веке.

Проекты создать «палаты будущих поколений» в парламентах ведущих стран мира потому не новость для европейских стран. Кроме участия в них представителей интересов этих поколений, предлагается ввести и институциональное представительство интересов отдельных природных процессов [Audier 2020]. Кто в этом случае будет выступать в роли представителей? Назначенные государством защитники таких интересов? Например, в «парламентах воды» госзащитники интересов отдельного участка реки Вилен (в Бретани) или Луары могут обсуждать, в улучшение какого участка реки надо вложить в этом бюджетном году деньги, чтобы поддерживать общую судоходность, обеспечивать экологический баланс всего речного бассейна и т.п. Или активисты НКО? Или ученые-естествоиспытатели, которые не только привыкли выпытывать тайны природных процессов, но и потом давать им голос, говорить от их лица с позиций объективной истины? Или надо объединить госэкспертов, энкэошников и ученых вместе в одной ассамблее, как предлагается в проекте мэрии Лиона по признанию реки Рона юридическим лицом с обсуждением ее интересов в постоянно идущей гражданской дискуссии о том, что делать с потеплением Роны и потерей ею полноводности [Bouchon 2024]?

Все эти вопросы сейчас кажутся далекими от забот России, но климатический кризис будет проявляться и у нас — причем не тем, что в Московской области можно будет скоро высаживать виноградники, а резкими колебаниями погодных условий и увеличением числа климатически обусловленных катастроф. После чего и в РФ придется задуматься, а не включить ли учет интересов природных процессов в общее обсуждение того, как нам жить и какие механизмы стоит для этого ввести.

Наконец, лет десять назад появилось и предложение о создании классических республиканских институтов на уровне именно национального государства, что не могли предположить другие перечисленные мною проекты. Это предложение пришло от школы теоретиков «плебейского республиканизма», которые считают, что такие гуру современной республиканской мысли, как Квентин Скиннер или Филип Петтит, являются элитистами. Эти гуру не хотят видеть или не учитывают то, что еще Макиавелли в «Discorsi» показал, что величие республиканского Рима основывалось на продуктивном конфликте между плебсом и нобилиями, в то время как долгоиграющие ренессансные республики типа Венеции или Пагузы опирались на исключении из политического процесса громадной массы населения (полными гражданскими правами в них пользовалась только узкая группа мужских отпрысков фиксированного числа патрицианских семей).

Возрождение трибунов плебса сейчас предполагало бы создание коллективных трибуналов (не трибуналов! а коллективных органов власти неимущих масс населения) на уровне города (скажем, из 10—12 человек), региона (20—25 человек), всей страны (40—50 человек). Набор туда проводился бы по жребию после номинаций небольшими местными собраниями населения; участие избранных жребием в трибунате ограничивалось бы, скажем, сроком в один год, и пост этот было бы можно занимать не больше двух раз в течение жизни. Трибуналы определенного уровня (местного, регионального, федерального) имели бы право раз в год отменять один закон, принятый думой этого уровня и проводить импичмент одного чиновника этого уровня. Трибуналы бы также имели право законодательной инициативы, опираясь на местные собрания, номинирующие кандидатов для их состава, хотя сами избранные жребием члены трибунала не имели бы права участвовать в работе законодательных органов³. Критики плебейского республиканизма, однако, оценивают шансы введения таких институтов даже в современных либеральных демократиях как невысокие: существующие элиты должны поступиться заметным куском своей власти. В России даже еще не началось обсуждение подобных предложений, хотя для страны с традицией ленинских утверждений, что даже кухарка должна управлять государством, дискуссия о подобных институциях может привести к интересным результатам.

Возможен и синтез предложений национального и наднационального уровня. На последней на время написания этих строк, Третьей конференции по классическому республиканизму в Венеции в мае 2022 года автором было предложено создание института «трибунов природы», по модели трибунов плебса в Римской республике⁴. Исходя из общей идеи возрождения трибунов плебса, защищающих бедных и обездоленных в современных представительных демократиях, предлагается на основании ротации устраивать форум простых людей, набираемых по модели суда присяжных, кто мог бы после месячного обучения и обсуждения тщательно взвесить предложения, исходящие от госчиновников, ученых и представителей НКО, по действиям в ответ на отдельные угрозы или

3 Подобную схему, разработанную на основании проекта французской конституции 1793 года (автор Кондорсе), см.: [Vergara 2020].

4 Программу четвертой (2024) конференции этой серии см. здесь: <https://www.univiu.org/campus-services/conferences/upcoming/the-venice-world-multidisciplinary-conference-on-republics-and-republicanism-fourth-edition> (дата обращения: 25.05.2024).

катастрофы климатического характера. Также трибунов природы можно было наделить правом импичмента одного чиновника, правом отзыва одного из принятых законов и правом законодательной инициативы.

Общественное восприятие республиканских проектов в России

Классический (гражданский) республиканизм известен большинству россиян только подсознательно — через интуиции, которые им сообщили некоторые книги золотого века русской литературы, либо через исторические труды и фильмы. Сознательно многие проекты или происходящее вокруг просто не воспринимаются как «республиканские процессы». Многие знают, что монархии — это не республики, но этот исключаящий республиканизм последних двухсот лет не кажется чем-то важным с точки зрения осуществления: ведь везде в мире вокруг и так в основном одни республики. Конечно, в мире существуют также и конституционные монархии и несколько единовластных правлений, согласно их официальному устройству. Но это банальное знание кажется неважным для повседневной жизни.

Отмечу, однако, что есть позитивное восприятие местных инициатив, действий муниципальных образований или сотрудничества с региональной властью, когда, например, граждане и местные чиновники собираются вместе в комиссии по партиципаторному бюджетированию. Если, конечно, там идут реальные обсуждения лицом к лицу (а не сбор «инициатив» или мнений граждан через интернет, как часто происходит, например, в Москве), если есть как ротация набираемых в эти комиссии людей из городской публики, так и ответственность между ротлируемыми (чтобы комиссии осуществляли то, что решил прежний их набор) и т.п. Эти виды городского гражданского действия и участия в делах города не обязательно должны оставаться на уровне «малых дел». Лучшим примером реальных заметных на уровне страны свершений по классически республиканскому образцу могут служить движение градозащитников в Санкт-Петербурге или объединения разнородных сил и активистов для защиты Шиеса в Архангельской области от строительства там мусорного полигона или защиты шихана Куштау в Башкортостане от освоения его Башкирской содовой компанией.

Градозащитники — не правозащитники, они не вызывают такого раздражения власти, как те, кто защищают людей в соответствии с когда-то навязанной СССР доктриной «прав человека». Если последние по определению выглядели для большинства советского населения как идеалистичные агенты Запада, протестующие против очевидной реальности (какие «права человека», когда советский суд по звонку парторганов выносил решения, нужные власти?), а нынешние их наследники редко могут найти финансирование внутри страны и потому часто обречены на титул «иноагента», то градозащитники исходят из понятного всем чувства: «Это наш город! Кто дал вам право в него вторгаться, не учитывая чувства и мнения его жителей?» Инновацией Цицерона в классической политической теории считается то, что он передал греческое понятие *polis* латинским термином *res publica*, который может иметь вещественно-имущественные коннотации, которых греческий термин не имел. *Res publica* — это публичная вещь, забота (городской) публики, ее общее до-

стояние. Если жители на деле теряют право владеть и распоряжаться своей вещью, *res publica* исчезает. Потому хотя градозащитное движение «Наш город» в Санкт-Петербурге в 2007—2009 годах и отрещивалось устами своих лидеров от того, что они занимаются политикой (ведь политика в обыденном сознании россиянина — это грязное дело), они тем не менее действовали как будто бы по классическим республиканским лекалам, требуя вернуть город его жителям.

Небольшая группа активистов, которых можно было назвать «профессиональными горожанами», если не «сознательными гражданами Петербурга», добились невозможного: начав с блога по поводу разрушения персонально дорогих им зданий в центре города и небольших арт-перформансов на эту тему, они собрали массовую коалицию поддержки, поставившую на повестку дня петербургских и федеральных властей вопрос о том, что надо бы остановить строительство газпромовского небоскреба в центре города. Эффект был достигнут за счет того, что проблему небоскреба сделали заботой или проблемой для многих. Философ Владимир Бибахин, переводя эссе Хайдеггера «Вещь», передал понятие *res publica* как дело (а латинское слово *res* переводится и как «дело» и как «вещь» в смысле «вот какие вещи происходят»), которое деется так, что неизбежно задевает всех. «Живой город» разложил по почтовым ящикам горожан (и расставил стенды, где мог) фото их родной улицы, как она выглядела бы после строительства небоскреба: обычные перспектива и линия небосвода были бы для многих изменены фаллическим зданием, вздымающимся супервысоко вверх. То, что у них могли украсть их привычные восприятие их родного города или улицы и воспоминания о них, задело многих, если не всех. Письма в администрацию губернатора начали поступать ящиками, так как шаблоны их были предложены «Живым городом» горожанам, а на все эти письма в соответствии с Федеральным законом № 59-ФЗ администрации надо было ответить в течение месяца, что грозило коллапсом. Проблема была решена в конце концов тем, что строительство Охта-центра было остановлено, а лидеров градозащитников пригласили к сотрудничеству по написанию правил совместной городской жизни. Например, надо было разработать местное законодательство по зеленым насаждениям вместе с сотрудниками профильного комитета городского правительства. (Правда, после смены губернатора это сотрудничество комитетов правительства региона и градозащитников было остановлено; однако перенос небоскреба за пределы городского центра не отменили.) Подобные процессы мы видели и на примере Шиеса и Куштау. Во всех трех этих случаях люди защищали общее для них достояние (то есть *la chose publique* — «публичную вещь», как переводится выражение *res publica* во французском языке). Это было городское или природное достояние, но тесно связанное с их общей историей или с их будущим.

Другой аспект классического (гражданского) республиканизма — это признание заслуг, то есть создание значимых историй жизни или народно финансируемых памятников, отмечающие уникальные достижения кого-либо в продвижении или защите общего блага. Создание памятников на народные средства — дело известное; правда, пока это в основном развивается лишь вокруг деятелей культуры, задавших делами своей жизни многие ориентиры для поведения подрастающих поколений. Да и их родителям тоже нужны ориентиры, чтобы советовать детям, как говорил Маяковский, «сделать бы жизнь с кого» — то есть чью жизнь можно копировать, так как она есть достойный пример для подражания. В сегодняшней России есть несколько стихийно воз-

никших мемориалов и памятников в честь Виктора Цоя (и фильм «Лето» про него) или памятник Сергею Довлатову на улице Рубинштейна в Санкт-Петербурге (и фильм Алексея Германа — младшего про этого писателя). Фигуры Цоя и Довлатова, отмеченные стихийным народным почитанием, воплощают в себе классическую республиканскую потребность в создании значимых историй жизни в культуре; правда, пока не в политике. Стихийный мемориал на месте гибели Бориса Немцова и заваленная цветами могила Алексея Навального* показывают, что и политические мемориалы или романы-фильмы, отмечающие знаковые примеры гражданского действия, тоже могут появиться. Правда, такие механизмы не обязательно сводятся лишь к созданию мест памяти погибших за общее дело либералов. Похожие модельные истории жизни и места памяти создает и консервативное гражданское общество для своих героев, да и дела особо отличившихся в защите Родины (в том смысле, как это совместно и не противореча друг другу понимают на обоих полюсах политического спектра) могут стать очевидным для всех основанием всеобщего признания из-за жертвы за общее дело.

Республиканизм как альтернатива империи, монархии, самодержавию

Исключающий республиканизм последних 150 лет только и делал, что подчеркивал, что республика и монархия в форме самодержавия (а не в форме ограниченной или конституционной монархии) — это две разные и противостоящие друг другу формы правления. Потому, правда, мы забыли о классической республиканской традиции, которая считала, что *res publica* может существовать в форме монархии, если она не превращалась в свою противоположность (ущербную тиранию), когда монарх начинал править не в интересах общего блага.

С понятием «самодержавия» дело обстоит несколько сложнее. Русское слово является калькой с греческого *autokrator*, то есть части официального титула византийского императора. Но сами византийцы, или ромеи (греч. *Romaioi*), как они сами себя называли, считали, что у них продолжается извечная *res publica Romana*, а никакая не империя. Это дало основание Энтони Калделлису недавно выпустить книгу «Византийская республика», где обосновывается это самообозначение Восточной Римской империи [Калделлис 2018]. Дело в том, что там не было наследования трона, требовалось одобрение народа для нового императора в виде аккламации на ипподроме или в другом публичном месте, а императоры, не преследовавшие общее благо, — если так начинали считать их подданные — рисковали быть свергнутыми в результате заговора или гражданской войны. Потому в российском контексте самодержавие, определяемое как единовластное правление на благо народа в соответствии с законами, не осуждалось в классическом республиканизме. Что противопоставлялось благой форме *res publica* в виде ущербного или дурного единовластного правления? Это были отход от законов, каприз, самодурство, правление не на общее благо, что часто схватывалось категорией «самовластья». Потому Пуш-

---

* Включен в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

кин употреблял именно этот термин в обращении к Чаадаеву: «И на обломках самовластия напишут наши имена!»

С термином «империя» все еще сложнее. Когда русская дипломатия столкнулась в XVII веке с такими классическими республиками, как Венеция или Объединенные провинции в Нидерландах, и послам или дьякам приказов пришлось называть их «статами», «Речью Посполитой» и — реже — «республикой», то империя в мире в строгом смысле была всего лишь одна. Это была Священная Римская империя (*Sacrum Romanum Imperium*), ведшая свое происхождение от короля франков Карла Великого, которого папа римский короновал в 800 году с титулом *imperator augustus*, передав ему права *imperium* (то есть империя — верховного командования), несмотря на то что череда западных императоров прервалась в 476 году. Среди русских авторов термин «империя» первым упомянул, похоже, Курбский, когда уже из Литвы писал о «Святорусской империи», возможно, взяв за образец название Священной Римской империи. Послы этой империи еще в конце XV века предложили великому князю Ивану III получить от единственного в мире римского императора (в 1453 году Византия перестала существовать) титул легитимного короля; Иван отказался. Но письмо императора в 1513 году уже к его наследнику называло адресата по-немецки *Kaiser* (кесарь или Цезарь); Петр I при принятии титула императора в 1721 году использовал этот прецедент. Однако противопоставление республики и империи — дело уже больше XIX века. Первый русский сокращенный перевод фундаментального труда Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения римской империи» вышел в 1824 году; в нем, опираясь на Тацита и Аппиана, но также на Бруни и Макиавелли, историк популяризовал привычную и стандартную для нас схему — сначала в Риме была республика, а потом из-за того, что она опиралась на оружие в своих завоеваниях, она не смогла контролировать свои расширенные территории и мощь провинциальных армий, полководцы которых использовали свой империй для захвата власти в Вечном городе. Однако только после появления теорий империализма в конце XIX — начале XX века стало обычным проводить контраст между имперскими захватами и якобы мирным республиканизмом.

Отношения республиканизма и либерализма

Обычный ответ Скиннера и Петтита на этот вопрос заключается в том, что гражданский республиканизм и либерализм находятся по одну сторону баррикад, когда они защищают свободы отдельного человека, и потому вместе противостоят разным версиям консервативной, националистической или религиозной мысли, где группа ставится выше индивида. Однако у них разные концепции свободы: если либерализм определяет свободу как невмешательство (вы свободны, когда де-факто ваши действия или намерения не ограничивают или в них не вмешиваются), то республиканизм считает, что вы свободны, если де-юре вы не зависите в своих решениях от воли другого. В ваши решения может вмешиваться, например, исполнительная власть, но если вы принимаете участие в производстве законов, по которым она действует, а также принимали участие в назначении людей в органы этой власти, то в вашу жизнь вмешиваются по вашему согласию, то есть в соответствии с вашей волей. В такой ситуации вы свободны. С точки зрения последователей Скиннера и Петтита,

в Европе в конце XVIII — начале XIX века либерализм вытеснил республиканизм как основную теорию свободы из-за того, что было невозможно рассчитывать на постоянное и активное участие широких масс населения в политике, что было прискорбно. Альтернативная точка зрения утверждает, что либерализм — это классический республиканизм, который был подкорректирован, чтобы отвечать вызовам новой эпохи [Kalyvas, Katznelson 2008]. Дело не только в том, что слишком трудно требовать постоянного участия в политике, когда в коммерческом обществе многие хотят заняться мирным обогащением в своих целях, но и в том, что коммерческая деятельность ставит под вопрос безусловное требование ставить общее благо выше частного. Введение представительных институтов в политике якобы устраняет подобные затруднения, и потому либерализм — это республиканизм для новой эпохи. Свобода для политики превращается для многих в свободу от политики. Но иначе не получалось; надо было реагировать на новые вызовы, так как старые республиканские рецепты устройства политических сообществ не срабатывали.

Либералы критически относятся к классическому (гражданскому) республиканизму по многим причинам. Как пример приведу несколько аргументов, похожих на тезисы Андрея Зорина в нашем недавнем споре на одном из семинаров в конце 2023 года, и попробую ответить на них. Во-первых, концепция свободного человека в том виде, в котором она существует в республиканской традиции, предусматривает наличие несвободных людей, рабов. Если рабов нет, никто не может назвать себя свободным. Свободный — это тот, кто не раб при условии наличия рабов. Во-вторых, если мы уничтожаем рабство, то всех в политическое сообщество включить сложно — ведь как размер сообщества препятствует прямому участию всех в политике, так и сложно предполагать, что будет равное участие, пока существует неравный доступ к образованию или к доходам, которые позволяют не думать только о пропитании и обеспечении других базовых потребностей жизни и т.п. Такие непарламентские республики, как Венеция и Дубровник, гарантировали полные права гражданства только ограниченному слою людей из самых зажиточных аристократических семей (и только мужчинам!), исключая такие сословия, как *cittadini* (горожане, обслуживающие машину власти и основные функции города) и *porolani* (неимущие слои населения). Парламенты же, наоборот, решают проблему участия всех в политике на базе всеобщего избирательного права, но классические республиканцы критикуют такие представительные механизмы как ведущие к апатии и неучастию в политике де-факто.

В-третьих, главное в либерализме — это не как назначается исполнительная власть, честными выборами или жребием. Как выбирать власть — это двенадцатый вопрос. Абсолютно главный вопрос — это чтобы власти не лезли в жизнь к отдельному гражданину — что избранные по жребию, что по выбору, что самоназначенные. Чтобы меня не мобилизовывали, не направляли на фронт, чтобы мне не назначали цену, за которую я могу продать свое имущество, и т.д. А как они там окажутся — вопрос технический. Республиканизм же разрешает вмешательство в частную жизнь, если человек участвовал в принятии законов, по которым это делается. В-четвертых, любопытно, что в применении к России в качестве главных агентов республиканской традиции выдвинуты Пушкин и Гораций, которые республику не признавали и были убежденными монархистами аристократического свойства. Можно, конечно, считать, что Гораций контрабандой пронес в августовский режим республи-

канские идеалы, но большинство авторов считают, что он республику ненавидел и считал ее самым страшным злом. Пушкин и Гораций были очень монархическими поэтами, претендовавшими на то, чтобы быть монархами среди поэтов, и с успехом. Они поставили себе памятники, подобные тем, какие ставят монархам. При чем здесь республика, трудно понять.

Приведу несколько обычных ответов на эту критику. Во-первых, действительно, сейчас рабство не является де-юре чертой обыденной жизни большинства стран земного шара, поэтому почему надо заимствовать концепцию свободы как статуса, которую мы находим прежде всего в «Дигестах» Юстиниана, то есть в кодификации права рабовладельческого общества? Ответом является то, что мы все испытывали на себе власть мелкого непосредственного начальника или человека с высоким социальным статусом, от которого мы зависим в своих решениях, и потому вынуждены модифицировать свое поведение, чтобы учесть тот факт, что без его или ее соизволения или предварительного одобрения мы не сможем начать или осуществить свое действие. И дело не всегда в социальном статусе. Например, в книге Петтита «Республиканизм» термин *non-domination* (негосподство) неудачно перевели на русский как «недоминирование» — за исключением тех случаев, где он указывает на случаи господства внутри семьи. Термин «доминирование» подходит для этого лучше; все же в русском обыденном языке доминирующих супруга или супругу трудно назвать господином.

Во всех этих примерах рабов нет, но ситуаций, когда мы иногда находимся в воле другого или в зависимости от его/ее решений по важным для нас вопросам, много. И это характерно не только для России. Маурицио Вироли с помощью концепции республиканской свободы проанализировал Италию времен многолетнего правления Берлускони, власть которого была ни неограниченной, ни авторитарной, ни деспотической, ни незаконной. Но она являлась огромной и потому своим фактом своего существования разрушала свободу граждан. Обладающий такой властью «порождает у подчиняющегося ей рабский менталитет вместе с подхалимажем, злословием, неспособностью ясно рассуждать, отождествлением со словами и поведением господина... наглостью в отношении более слабых людей и противников» [Вироли 2014: 24]. «Такой образ мысли и образ жизни не совместим со свободой, потому что она требует, чтобы граждане не имели расположения ни к покорному служению, ни к высокомерному господству» [Там же: 18]. На вторую же критику — как возможно ввести классические республиканские механизмы сейчас, в политических системах со всеобщим избирательным правом, когда раньше такие республики всегда опирались на запрет на участие в политике для значительной доли населения, — ответом являются предложения по введению, например, институтов местного, регионального и федерального уровня, похожих на институты трибунов плебса.

На третий аргумент о том, что в либерализме главное — невмешательство, а республиканизм этого может и не гарантировать, у Скиннера есть следующий ответ. Вам кажется, что принцип «чтобы ко мне не лезли» — это главное и что можно устроить политическую систему так, что можно реалистично надеяться обеспечить такое невмешательство через права человека, суды и т.д.? Да, будем надеяться, что в современной Англии можно. Но там, где еще нет верховенства права и независимого суда, что делать? Во Флоренции и Венеции знали, что если не собираться вместе, не участвовать в политике и не придум-

мывать такие общие правила, чтобы ко мне не лезли, то неприкосновенность частного пространства не защитишь [Skinner 2002]. Поэтому, в отличие от либеральной свободы, понимаемой как невмешательство, в классических республиках практиковалась другая свобода, реализуемая с помощью таких республиканских механизмов, как участие.

А про четвертое возражение, представленное либералами, можно сказать следующее. В классическом республиканизме монархия — это один из трех благих видов *res publica*, когда монарх правит на общее благо, а не для обеспечения частных интересов или под влиянием капризов и страстей. Конечно, она сама по себе неустойчива и может превратиться в ущербную форму — тиранию. Потому идеалом является смешанное правление, то есть смесь монархии, когда правит один, аристократии, когда правят лучшие, и демократии, когда правят все. Не можем ли мы приписать Пушкину такое классическое воззрение на монархию? Тогда сказать, что он монархический поэт — это значит заклеить его с точки зрения сегодняшнего исключаящего республиканизма, но не с точки зрения классического. Ведь думать о благе единовластия, уравновешенного другими двумя началами, аристократическим и демократическим (и прежде всего аристократическим, как думал еще Курбский), — это стандартная мысль образованных свободолюбцев XVIII века. Пушкин читал Тацита про ужасы тирании Тиберия во время 1825 года, осуждал его кровавую тиранию — но что удивительного в том, что он одновременно мог быть за монархию? В рамках классического республиканизма того времени требовать смерти тиранов и одновременно защищать благого монарха на троне могли не только Екатерина II и Александр I, но и Радищев с Новиковым. Вопрос в том, насколько тяга к античному типу свободы совместима с нашим современным типом общества. Но по этому вопросу я привел три первых обычных контраргумента.

Библиография / References

- [Бутров 2018] — *Бутров К.Д.* Республика/революция: гражданская добродетель в истории России // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Под ред. Т. Атнашева и М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 547—581.
- (*Bugrov K.D.* Respublika/revolyutsiya: grazhdanskaya dobrodetel' v istorii Rossii // Kemberidzhskaya shkola: teoriya i praktika intelektual'noy istorii / Ed. by T. Atnashev and M. Velizhev. Moscow, 2018. P. 547—581.)
- [Вироли 2018] — *Вироли М.* Свобода слуг / Пер. с итал. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.
- (*Viroli M.* La libertà dei servi. Moscow, 2014. — In Russ.)
- [Ерусалимский 2021] — *Ерусалимский К.Е.* Республика без республиканизма: курсы *общего дела* в Московской Руси // *Res Publica*. Русский республиканизм от средневековья до конца XX века / Под ред. К.А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 153—265.
- (*Erusalimskiy K.E.* Respublika bez respublikanizma: diskursy obshchego dela v Moskovskoy Rusi // *Res Publica*. Russkiy respublikanizm ot srednevekov'ya do kontsa XX veka / Ed. by K.A. Soloviev. Moscow, 2021. P. 153—265.)
- [Калделлис 2018] — *Калделлис Э.* Византийская республика. Народ и власть в Новом Риме / Пер. с англ. В.И. Земсковой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.

- (*Kaldellis A. The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. Saint Petersburg, 2018. — In Russ.*)
- [Кашлун 2007] — *Кашлун В.Л.* «Жить Горацием или умереть Катонем»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII — первая треть XIX вв.) // *Неприкосновенный запас. 2007. № 5. С. 197—219.*
- (*Kaplun V.L. "Zhit' Goratsiem ili umeret' Katonom": Rossiyskaya traditsiya grazhdanskogo respublikanizma (konets XVIII — pervaya tret' XIX vv.) // Neprikosnovennyy zapas. 2007. No. 5. P. 197—219.*)
- [Курбский 2015] — *Курбский А.* История о делах великого князя московского. М.: Наука, 2015.
- (*Kurbский A. Istoriya o delakh velikogo knyazu moskovskogo. Moscow, 2015.*)
- [Лукин 2021] — *Лукин П.В.* Республиканская риторика в Древней Руси // *Res Publica. Русский республиканизм от средневековья до конца XX века / Под ред. К.А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 76—152.*
- (*Lukin P.V. Respublikanskaya ritorika v Drevney Rusi // Res Publica. Russkiy respublikanizm ot srednevekov'ya do kontsa XX veka / Ed. by K.A. Soloviev. Moscow, 2021. P. 76—152.*)
- [Медушевский 2021] — *Медушевский А.Н.* Советский и постсоветский республиканизм // *Res Publica. Русский республиканизм от средневековья до конца XX века / Под ред. К.А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 659—801.*
- (*Medushevskiy A.N. Sovetskiy i postsovetkiy respublikanizm // Res Publica. Russkiy respublikanizm ot srednevekov'ya do kontsa XX veka / Ed. by K.A. Soloviev. Moscow, 2021. P. 659—801.*)
- [Соловьев 2021] — *Соловьев К.А.* Res Publica в общественной мысли России (вторая половина XIX — начало XX века) // *Res Publica. Русский республиканизм от средневековья до конца XX века / Под ред. К.А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 555—614.*
- (*Solov'ev K.A. Res Publica v obshchestvennoy mysli Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo veka) // Res Publica. Russkiy respublikanizm ot srednevekov'ya do kontsa XX veka / Ed. by K.A. Soloviev. Moscow, 2021. P. 555—614.*)
- [Хархордин 2011] — *Хархордин О.В.* Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- (*Kharkhordin O.V. Osnovnyye ponyatiya rossiyskoy politiki. Moscow, 2011.*)
- [Хархордин 2021] — *Хархордин О.В.* Республика. Полная версия. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.
- (*Kharkhordin O.V. Respublika. Polnaya versiya. Saint Petersburg, 2021.*)
- [Хархордин 2022] — *Хархордин О.В.* К вопросу о власти и авторитете в России // *Звезда. 2022. № 6. С. 161—189.*
- (*Kharkhordin O.V. K voprosu o vlasti i avtoritete v Rossii // Zvezda. 2022. No. 6. P. 161—189.*)
- [Audier 2020] — *Audier S.* La cité écologique. Pour un éco-republicanisme. Paris: La Découverte, 2020.
- [Bouchon 2024] — *Bouchon G.* Parlement des eaux: une entité citoyenne pour sauver le Rhône // *Lyon Demain* (<https://www.lyondemain.fr/parlement-des-eaux-rhone-lyon/>) (accessed: 06.04.2024).
- [Hazareesingh 2004] — *Hazareesingh S.* Bonapartism as the Progenitor of Democracy: The Paradoxical Case of the French Second Empire // *Dictatorship in History and Theory / Ed. by P. Baehr and M. Richter. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 129—152.*
- [Kalyvas, Katznelson 2008] — *Kalyvas A., Katznelson I.* Liberal Beginnings. Making a Republic for the Moderns. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- [Kollmann 2021] — *Kollmann N.* A Muscovite Republic? // *Slavic Review. 2021. Vol. 80. No. 3. P. 492—497.*
- [Skinner 2002] — *Skinner Q.* Machiavelli on virtù and the maintenance of liberty // *Skinner Q. Visions of Politics: In 3 vols. Vol. 2: Renaissance Virtues. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 160—185.*
- [Vergara 2020] — *Vergara C.* Systemic Corruption. Constitutional Ideas for an Anti-Oligarchic Republic. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2020.